

ЭПОХА СОЗИДАНИЯ В ПОЭМЕ ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА «СЕДЬМОЕ НЕБО»

Мир литературного произведения – сложная система элементов, где, пожалуй, самую яркую роль играют имена собственные. Мы узнаём «Войну и мир» по Андрею Болконскому и Наташе Ростовой, «Преступление и наказание» – по Раскольникову... Имена героев поэмы В. Д. Фёдорова «Седьмое небо» менее известны массовому читателю, но не менее значимы и интересны для всякого, кто захочет познакомиться с произведением русского поэта XX века. Поэма – это сложный жанр, который, с одной стороны, вбирает в себя события вымышленной автором сюжетной линии, а с другой – имеет твёрдую опору на исторически узнаваемое время повествования. В поэме Фёдорова система собственных имён состоит из следующих элементов: первая группа имён – узнаваемые имена, связанные с историей страны, вторая группа – собственно авторские имена, чья интерпретация разворачивается в тексте как символическое обозначение позиции автора, его оценки, его философских обобщений о судьбе человека и законах жизни.

Исторически узнаваемые имена в поэме связаны с эпохой строительства советского государства, с душевным подъёмом широких народных масс, получивших после революции возможность творчества. С этой точки зрения вполне понятно, что имя Ленина воспринимается героями поэмы как символ эпохи переустройства государства и больших надежд простого люда на социальную справедливость нового правительства «из народа». Легендарный облик вождя создаётся рассказами тех, кто его видел, то есть имел возможность «дотронуться» до власти. Подобный принцип создания образа-легенды был востребован в советской литературе (поэмы В. Маяковского, С. Есенина, рассказы М. Горького), и В. Д. Фёдоров продолжает эту традицию. Образ создаётся словами «героя из народа» – Силыча:

*Я Ленина видал...
И хранить его
Не перестал
В глубине души,
Как в Мавзолее...*

Разговор о Ленине возникает в переломный момент в судьбе главного героя – Василия Горина, обвинённого в том, что он брат «врага народа», а потому не может быть причастен к самолётостроению, ведь это государственно важное дело. Силыч апеллирует к образу вождя как к идеалу борца за правду, за беззаветное служение стране (не по зарплате), соединяя его имя с революцией, представляющей единственно возможным путём качественного обновления народной жизни. В этом смысле Ленин – нравственный идеал, точка опоры в смятенной жизни человека, поэтому Силыч находит точное слово для определения взаимоотношений между земным человеком и тем духовным ориентиром, каким является легендарный облик Ленина, это вера:

*Верь и верь,
Как веришь ты в металл.*

173
Причём поэт сохраняет слова-маркёры этой эпохи: герой должен продолжить жить не для возможности личного счастья, а «для борьбы» с «врагами» и «жульём», «пролезшими» в революцию. Василий Горин даже прикаснётся к святыне: когда он будет командирован в Москву конструировать новый самолёт-бомбардировщик, то придёт в Мавзолей к вождю «что был он, // Лично убедиться, и в том увериться, // Что есть». Здесь возникает ещё одно известное имя вождя – Ильич, делающее образ Ленина родным, так как рождено оно от отчества – имени отца, главы рода. И сам облик умершего Ленина автор наполняет конкретными портретными деталями: «трудовые руки», «думающий лоб», «недосказанное слово <...> теплело на губах», «лицо сурово». Священная смерть такого земного бога воспринимается как сон: «Там Ленин спал», что ещё раз доказывает священность образа как для эпохи, так и для главного героя. Но нужно внимательно прочесть эту часть: желая передать неторопливое движение очереди в Мавзолей, поэт использует многократный повтор слов «снег» и «вниз». Оба эти слова связаны со стихией смерти, так как снег – знак зимы, время «замерзания» мира, а пространственная характеристика «вниз» напрямую связана с миром мёртвых. В культуре низ – страшный мир нечисти, что и появляется в тексте поэмы: бушует «адовый» ветер.

Автор явно усложняет образ Ленина, совмещая в нём народный идеал образа правдивого вождя и оценку деятельности Ленина в исторической перспективе, когда революция стала восприниматься стихией, разрушившей веками создаваемый уклад и культуру, принёсшей стране многочисленные жертвы. Именно революция и деятельность Ленина способствовали повороту России в сторону тоталитарной власти и позволили выстроить государство, где коллектив довлеет над личностью. Василий Горин испытает силу этого

давления на себе во время земного суда над ним как над братом «врага народа». Герой вспомнит о Ленине как о легенде тех революционных лет, где кровное родство менее значимо, чем родство в борьбе:

*Он брат,
И не по крови только,
А больше:
Брат по Ильичу.*

Имя Сталина в тексте поэмы не названо, хотя исторически узнаваемые детали эпохи его правления присутствуют в тексте: одиночные выстрелы на Лубянке, термины «враг народа», «японский шпион», необходимость бесконечно цитировать Сталина, восхвалять его власть и знать, что «страхи» превратились «в закон». Памятник Сталину автор описывает дважды. На площади, «где гимны пели», то есть на центральной площади, возникает «великан // В тяжёлой каменной шинели». Явно отсылая читателя к известному конфликту между имеющим власть культовым героем и маленьким человеком (пушкинский «Медный всадник»), поэт во втором описании обращается к реалиям истории:

*С той площади,
Где гимны пели,
Перестоявши ураган,
Ушёл однажды великан
В тяжёлой каменной шинели.*

Култ личности заканчивается вместе с жизнью личности: «Зарыт. // Во славу новых дней // Почти забыт». Но образ власти, смотрящей поверх интересов людей, разоблачённой в своём равнодушии к народу, вызывает живую реакцию автора, и он не назовёт имя «великого вождя всех времён и народов». Причём по этим же соображениям автор не даёт имени и Гитлеру, точно описывая узнаваемый портрет исторической личности – «психопат // С банальной воровскою чёлкой». Значит, отсутствие имени исторически известной личности становится в поэме возможным способом выражения авторской мировоззренческой позиции: здесь имя Ленина оказывается мифологическим, олицетворяющим саму веру народа в «правильного» правителя, живущего по совести и в интересах людей, а имена иных правителей просто не названы, чтобы они не имели возможности сохраниться в народной памяти.

Другие исторически известные имена связаны с созидательной деятельностью в области самолётостроения и культуры. Конструктор Владимир Петляков – «сын Москвы», создававший самолёт для страны даже в стенах Лубянки, потому что был оклеветан теми, кто не прощал ему таланта. Говоря о самолётах,

Фёдоров отсылает читателя к именам великих конструкторов: Н. Н. Поликарпову, А. Н. Яковлеву, С. А. Лавочкину, А. Н. Туполеву, П. О. Сухому и известных лётчиков: Громова и Чкалову, то есть в поэме воссоздаётся эпоха покорения воздушного пространства советскими людьми, которая станет основой для первого человека, шагнувшего в просторы космоса, Юрия Гагарина. Так автор с помощью собственных имён не только покажет исторически узнаваемую действительность, но и определит символические связи между эпохами (предвоенная и послевоенный взлёт в космос), где исторически известное событие оказывается результатом усилий множества неизвестных людей:

*Чтоб, дерзкий,
Ты взлетел с рассветом
И возвратился в добрый час,
Мы всё стерпели...*

Местоимением «мы» автор уравнивает все человеческие судьбы: «Какими трудными путями // Мы шли к полёту твоему».

Собственные имена, связанные с деятелями культуры, продолжают тему высоты в поэме, но теперь речь идёт о творческой высоте, высоте таланта, который будет зафиксирован историей как культурное достижение человечества, не менее значимое, чем достижение технического прогресса – полёт Гагарина в космос. В монологе героя упоминаются имена балерины Улановой, актёра Качалова, художников Врубеля, Нестерова, Крамского, которые становятся символами «высоты взлёта» русской культуры. В размышлениях о причинах войны автор укажет, что наличие в немецкой культуре великих поэтов Шиллера, Гёте и причисляемого к немецкой культуре австрийского композитора Моцарта, много гастролировавшего по Европе, к сожалению, не станет гарантией мира. Человечество, научившееся летать, оказалось не готово для нравственного взлёта, а пошло другим путём: «за восемь лет // Дошли до зверства». Народы Европы и Советского Союза оказались втянуты в войну, что связано в поэме с образом движения вниз:

*От горна,
От его огня
Катились мы
В горнило ада...*

Примечательно, что в описании событий войны автор не употребит ни одного собственного имени, исторически известного и узнаваемого. Перед читателем война предстанет в отражении судеб главных героев: Василия Горина, совершившего подвиг, Бориса, погибшего при бомбардировке фашистским самолётом эшелонов с бойцами Красной армии, Дины и Марьяны, пе-

реживших страшные испытания эвакуации и совершивших трудовой подвиг в тылу. Поэту важно показать простого труженика Великой Отечественной войны, а не общеизвестные личности легендарных героев, тем более, что с годами слова правды «очищают» многие подвиги от мифотворчества советской машины идеологии. Читатель видит судьбы обычных людей и верит, что войну выиграла именно общими усилиями, как у Толстого в «Войне и мире» – «всем миром».

Обратимся теперь к именам, придуманным автором и выбранным им для своих героев, воплощающих созданный автором сюжет. Главный герой – Василий Горин. Фамилия героя построена на востребованном в годы советского литературного творчества принципе «оценочного слова». Подобные псевдонимы использовались поэтом Демьяном Бедным (Ефим Придворов), поэтом Михаилом Голодным (Эпштейн), писателем Максимом Горьким, поэтом Иваном Приблудным (Яков Овчаренко) и т. д. В них, как считали, отражалась тяжёлая судьба гения в несправедливом мире капитала и наживы. Но Фёдоров называет так своего героя без оглядки на социальный конфликт, без литературной иронии – в его судьбе действительно много испытаний, много горя, главное из которых – вина перед собой и Марьяной за невоплощённую любовь. Фамилия героя родственна слову «гора», а это уже прямая связь с высотой мечты, с крепостью нравственных убеждений героя, с его личностной стойкостью.

Имя Василий воспринимается в 30-е годы XX века как преимущественно «деревенское». Это имя ранее выбрал и А. Т. Твардовский для своего Тёркина, героя знаменитой поэмы. Имя Василий в поэме Твардовского часто рифмуется со словом Россия. В поэме В. Д. Фёдорова ему «противостоит», воспринимаемое как княжеское, имя Борис (так зовут друга главного героя), связанное с образом святого великомученика и воина Бориса. Но имя Борис может толковаться и как распространённое в древности Борислав. Поэтому при попытке понять образ этого героя мы обращаем внимание на толкования, сопоставимые с его поступками: он борется за Марьяну, но не менее любви жаждет славы – как Борислав, он «боровой» (крепкий) в сражениях за материальные блага и целью своей жизни ставит обогащение и карьеру, что отражается в тюркской версии имени Борис – барыш, выгода.

Конечно, Василий в поэме обладает собственной судьбой и неповторимыми чертами личности. Отдавая герою монологи, автор выражает своё отношение к нему: Василий (как многие герои из крестьянской среды) – человек совестливый, надёжный друг. Он ищет истину так, как это делают любимые герои Толстого, бесконечно рефлексировав, осмысливая не только свои, но и чужие поступки, соотнося события во времени и находя глубинные объяснения действиям людей и ходу исторического процесса. Такой герой важен

писателю, поэтому он получает имя и фамилию, но пропуск отчества характерен для творчества советского периода, где человек принадлежал народной семье. Бориса автор лишает и отчества, и фамилии, поясняя тем самым, что конфликт между друзьями носит обобщённый личностный характер и не имеет социальной, национальной, классовой основы. В этой борьбе-дружбе сталкиваются ценностные ориентиры, личностные приоритеты героев.

Называя героиню Марьяной, автор использует народную форму церковного имени Марианна: Мария и Анна, созданного из двух древнееврейских имён. При дословном переводе мы получим словосочетания «печальная красавица» или «горькая благодать». Именно такой и предстанет героиня в поэме: притягательной красавицей, ставшей судьбой для двух мужчин, печальной в своём опрометчивом выборе мужа, благодатью даже в годы войны и горьким осознанием героя утраченной возможности счастья:

*Я радости
Не смог обрести.
Всё, что сказал,
Страданьем добыто.
У счастья
Не бывает опыта,
Лишь у несчастья опыт есть.*

775
Своеобразным героем-двойником Марьяны станет воображаемая Василием Звездана. Она появляется в фантастической части поэмы «Земля и Вега», в которой автору важно установить связь времён: настоящего и будущего, только в этом случае человек имеет возможность реально ранжировать ценности жизни. Василий убеждается, что выше любого земного суда (государства, общества, истории) окажется суд любви, озвученный вегейской жрицей:

*Мы судим всех,
Забывших о прекрасном,
Мы судим многих,
Кто в земном краю
Не из большой любви,
А из соблазна
Любил,
Страдал
И тратил жизнь свою.*

Звездана становится воплощением идеала любимой женщины, но, как и всякий идеал, она чужеродна земной жизни. Марьяна пройдёт рядом с героем земной круг существования, разделяя его страдания и радости, имея общее чувство полёта души и жажды красоты. Но сбитый с пути представлением о назначении и долге друга, Василий не позволит Звездане воплотиться в Марьяне.

На небесном суде будут присутствовать женщины, которых герой не любил по-настоящему. Появление здесь Дины указывает на оценку автором чувств Горина и его земной жены:

*Из неудач
Двух неудачников
Большого счастья
Не сложить.*

Но звёздная высота, на которой оказывается Дина, тоже символична: её жертвенная любовь к Василию, её желание познать любовь настоящую, подобную той, что связывает мужа и Марьяну, её сердечность к герою, находящемуся в Москве в одиночестве, всё это возвышает образ Дины. Прямое, ветхозаветное значение этого имени – «отмщённая», «справедливость, возмездие». Она – возмездие Горину во всех значениях этого слова: не случайно образ героини связан с празднованием Нового года – символа обновления, начала нового этапа жизни, где Василий имеет возможность очиститься от путаных поступков и мыслей, но каждый раз оказывается бессилен перед собственной человеческой слабостью. Имя героини переводится как «верная» (арабск.) и «сильная» (греч.). Именно такой она предстаёт в отношениях с Гориним, такой рисует автор её образ в последнем эпизоде, связанном с Диной:

*Она сидела, не смежая век,
Уставясь холодно и отрешённо
Куда-то вдаль
.....
Что виделось ей там?
Родной ли дом,
Иль муж её,
На запад улетевший,
Иль самолёт его,
Уже горевший,
Чертивший небо
Огненным крылом?*

Символом этих сложных отношений становится пёс со странным именем Додон. Автор проводит параллель между двумя парами Борис – Марьяна и Василий – Дина, используя народные приметы: воплощением новой семейной жизни первой пары станет кот – традиционный символ дома, но этот рыжий герой останется без имени. Как бы «корректируя» народные приметы, Марьяна подарит Василию и Дине собаку – символ верности и дружбы. Слово «додон» в вологодских говорах означает «нескладный, несуразный человек» (Даль), что отражается во внешнем облике собаки. Также Додон — имя богатыря в русском

народном творчестве, пришедшее из повести о Бове Королевиче. Сильный пёс окажется в числе преданных друзей героя в самый тяжёлый период его жизни, он будет способен простить невольное предательство Горина, растерявшегося в момент потери Дины.

Таким же верным другом станет для героя Силыч – старик с завода, рабочий, новый хозяин Додона. Обращаясь к церковным истокам этого имени, обнаружим, что св. апостол Сила – ученик Иисуса Христа, муж уважаемый, он проповедовал Евангелие вместе с апостолом Павлом. В поэме Силыч – носитель другой веры – веры в силу Революции и дело Ленина. Именем героя становится его отчество, что не случайно: так автор утверждает его как носителя мудрости, основателя новой эпохи, нового Отечества, где выстраивается новая система ценностей:

*Поклоняясь
Скромным именам,
В знатные
И модные не лезу.
Силычи! Я благодарен вам
За родство
По крови и железу.*

Суффикс -ыч закрепляет форму отчества, исконно употребляемого в неофициальных ситуациях, в быту: так русские люди именовали друг друга, чтобы подчеркнуть особое уважение к человеку, выказать оттенок расположения, любви. Горин действительно испытывает к Силычу чувство сродни любви к отцу, сумевшему вернуть ему веру в себя. Архаично звучащее наименование героя «из народа» необходимо автору, чтобы подчеркнуть его вневременную значимость, а форма множественного числа указывает на образ коллективного героя – труженика-мужика, способного стать нравственной опорой не только для одного человека, но и для всей страны. Система собственных имён, созданных автором, в поэме напрямую связана с понятием «высота»: Силыч – герой нравственной высоты, такой же, как Марьяна и Дина, Борис – герой, который окажется в движении к своей «высоте» только в последние минуты жизни. Василий Горин на протяжении всей поэмы стремится к высоте полёта, к высоте чувства, к высоте подвига служения Родине, к нравственной высоте собственной личности. Эту многогранность значения слова «высота» и ценность мотива «высоты» в понимании идеи текста В. Д. Фёдоров отразит и в названии своей поэмы – «Седьмое небо».

Светлана Леонтьевна СТАРОВОЙТОВА,
учитель русского языка и литературы
МБОУ «Гимназия № 25», г. Кемерово